

УДК 821.161.1

Б.М. ЭЙХЕНБАУМ НА ФОНЕ СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ 1946 Г. (ТРАВЛЯ М. ЗОЩЕНКО И А. АХМАТОВОЙ)

© 2010 С.А.Сафонов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 11 декабря 2009 года

Аннотация: *Статья отражает известный факт политической травли М. Зощенко и А. Ахматовой и то, как в эту идеологически окрашенную ситуацию был вовлечен крупнейший литературовед XX в. Б.М. Эйхенбаум. В работе рассматриваются особенности стиля гонителей выдающихся писателей того времени (идеологические штампы, употребление экономических терминов, абсурдные словосочетания) в соотнесении с текстом М. Зощенко, а также размышления на данную тему Б.М. Эйхенбаума.*

Ключевые слова: *политическая кампания, журнальные публикации, идеологическая травля, гражданская позиция Б.М. Эйхенбаума.*

Abstract: *The article reflects the fact of political persecution of M. Zoschenko and A. Akhmatova and how the largest literary critic of the XX c. B.M. Eikhnenbaum was engaged in this ideological painted situation. The features of style of the persecutors of outstanding writers of that days are considered in this work (ideological stamps, use of economic terms, absurd word collocations) in correlation with the M. Zoschenko's text, and also the reflections about it by B. M. Eikhnenbaum.*

Key words: *political campaign, journal publications, ideological persecution, the civic stand of B.M. Eikhnenbaum.*

12 августа 1946 г. в 19 часов 35 минут по вызову И.В. Сталина в Кремль прибыли гг. Жданов, Маленков и Кузнецов. Побеседовав около двух часов, они разошлись, а результатом встречи стало «Постановление оргбюро ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г.

Необходимо отметить, что в августе 1946 г. уже состоялось выступление некоего Н. Маслина «О литературном журнале «Звезда», где он делал обзор произведений, опубликованных в 1945 г., одобряя или осуждая их. В этой же речи была затронута одна из статей Б.М. Эйхенбаума («Поговорим о нашем ремесле») — о направлении мыслей ученого выступавший отозвался нелестно [4, 190].

В постановлении в осуждающих тонах упоминается группа «Серрапионовы братья», одним из

руководителей которой был Эйхенбаум, и таким образом нападки на ученого продолжаются.

Постановление от 14 августа широко известно, но позволим себе кратко напомнить, что касалось оно, прежде всего, размещения в журналах «Звезда» и «Ленинград» (наряду с произведениями идеологически «правильных» писателей) работ тех авторов, чьи взгляды и художественные устремления не соответствовали «советской действительности». Имена «неправильных» писателей конкретизируются: М. Зощенко и А. Ахматова.

Вот несколько цитат из «легендарного» документа: «Зощенко изображает советские порядки и советских людей в уродливо карикатурной форме, клеветнически представляя советских людей примитивными, малокультурными, глупыми, с обывательскими вкусами и нравами.

Злостно хулиганское изображение Зошенко нашей действительности сопровождается анти-советскими выпадами». О журнале «Звезда» говорилось, что он «всячески популяризирует также произведения писательницы Ахматовой, литературная и общественно-политическая физиономия которой давным-давно известна советской общественности». Далее читаем: «Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Ее стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, «искусстве для искусства», не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодежи и не могут быть терпимы в советской литературе» [8, 588].

Как видно, представители власти в выражениях, употребленных в данном документе, не стесняются. Постановление редактировал лично Верховный Главнокомандующий. А.С. Крюков в статье «Пока я объявлен живым...» [6] приводит те слова, которые добавил в текст «вождь всех народов»: *пошлость, пошляк, советский, несоветских писателей, старой салонной поэзии* и т.п. Совершенно очевидно, что этот вопрос очень интересовал «хозяина».

Наибольшее число нареканий выпадает на долю совершенно безобидного рассказа М. Зошенко «Приключения обезьяны», который был напечатан в журнале «Звезда» (№№ 5-6). «Последний из опубликованных рассказов Зошенко представляет пошлый пасквиль на советский быт и на советских людей», — говорится в постановлении.

Интересно то, что указанное произведение писателя до этого уже выдержало четыре публикации, в том числе и в журнале «Мурзилка». Оно было пропущено цензурой, сочувственно принято критиками, и ни у кого не вызывало никаких замечаний, но после выхода постановления и оглашения речи А. Жданова советская общественность «откликнулась» на политически нейтральный (с точки зрения здравого смысла) рассказ о милой обезьянке, сбежавшей из зоопарка во время бомбежки, разгромными статьями в центральных газетах. Вот несколько заголовков: «Воспитывать идейную, морально стойкую молодежь» [11], «Об ответственности писателя» [7], «Воинствующая безыдейность» [5].

Газета «Известия» от 22 августа 1946 г. напечатала «Резолюцию общегородского собрания ленинградских писателей по докладу тов. Жданова», где говорится, о том, что доклад ими (ленинградскими писателями) полностью принимается и поддерживается, и они согласны со всеми критическими замечаниями.

«В последнее время Зошенко продолжал держаться своих чуждых советской литературе взглядов и установок, — постановляет данный документ, и добавляется, что этот писатель напечатал ряд рассказов и пьес (в том числе и «пресловутые» «Приключения обезьяны»), где он «изображает советских людей в карикатурной форме ... глупыми, с обывательскими вкусами...» и т.п.

Не обходят своим вниманием ленинградские писатели и А. Ахматову, называя ее «аристократически-салонной поэтессой» (ср. со вставкой Сталина, указанной выше) и всячески «клеяма позором». Затем постановляется активно бороться против чуждых идеям социализма настроений в творчестве всех художников слова.

«Литературная газета» пишет о персонажах Зошенко (косвенно соотнося их с самим автором) следующее: «Мещанин с ничтожными интересами и убогими устремлениями...» [7], ищущий для себя фарватер, чтобы приспособиться к «советскому аппарату». Заметим, что анализ творчества писателя производится уже не только в соотнесении с «Приключениями обезьяны», а в контексте всего того, что было создано Зошенко за многие годы.

Если внимательно изучить стиль авторов подобных публикаций, то можно заметить его удивительное сходство с языком героев Зошенко.

Рассмотрим текст «Стенограммы заседания Президиума Союза советских писателей совместно с членами Правления, находящимися в Москве, по вопросу постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград» от 4/IX/1946». Вот что говорит В.В. Вишневский: «Мне хотелось бы сказать несколько слов относительно последних событий в литературе. Мне хотелось бы поделиться с вами тем, что мы слышали 9 августа на Оргбюро, потому что слова, которые обратил товарищ Сталин к нам, писателям, — он говорил две речи, — речь к литераторам и речь к кинематографистам, — они должны быть у нас в сердце...». «Мы не знали, что мы встретимся с товарищем Сталиным. Нас предупредили, что будет Оргбюро, вопрос о ленинградских журналах, вопросы театральные, вопросы репертуара, еще 2-3 вопроса и т. д. Ровно в 8 заседание началось на пятом этаже в Мраморном зале, в том историческом зале, где товарищ Сталин встречался не раз с литераторами. Ровно в 8 пришел товарищ Сталин. Он был не в военной форме...» [9], — продолжает В. Вишневский.

Беседуя с американскими журналистами в августе 1946 г. тот же оратор заявляет: «Толкуют о Зошенко... — Кто он такой... Офицер царской армии, человек, который перепробовал ряд профессий, без удач и толка и начавший в 1922

году писать сатирические рассказы... Они в ту пору били мещан, обывателей... Но потом в стране произошли грандиозные изменения. Страна в 9 раз удвоила... свой индустриальный потенциал» [9].

А теперь сопоставим «советский русский язык», на котором изъяснялись В.В. Вишневский и К° с отрывком из рассказа М. Зощенко «Обезьяний язык»: «Трудный этот русский язык, дорогие граждане! Беда, какой трудный. ...Я вот на днях слышал разговор. На собрании было. Соседи мои разговорились. Очень умный и интеллигентный разговор был, но я, человек без высшего образования, понимал ихний разговор с трудом и хлопал ушами. Мой сосед, не старый ещё мужчина, с бородой, наклонился к своему соседу слева и вежливо спросил:

– А что, товарищ, это заседание пленарное будет али как?

– Пленарное, – небрежно ответил сосед.

– Ишь ты, – удивился первый, – то-то я и гляжу, что такое? Как будто оно и пленарное.

– Да уж будьте покойны, – строго ответил второй. – Сегодня сильно пленарное и кворум такой подобрался – только держись.

– Да ну? – спросил сосед. – Неужели и кворум подобрался?» [3, 123].

Создается впечатление, что субъектами речи «Стенограммы» и рассказа Зощенко являются одни и те же люди: звучат сходные протокольные слова, употребляются одни и те же синтаксические обороты. Неслучайно произведения Зощенко ассоциировались у большевистских критиков (ревнителей «правильной» идеологии) с жанром памфлета или даже пасквиля с их «броской афористичностью, ораторскими интонациями, образностью характеристик, экспрессией» [10], карикатурностью и иронией.

Многие выражения «Постановления» являются «заштампованными» оксюморонами: «безыдейная поэзия» (каких идей не хватает поэзии?), «аполитичные стихи» (все стихи должны быть непременно с политической окраской?), «несоветские писатели» (известны ли современному читателю фамилии тех самых «советских» писателей, которые клеймили Зощенко и Ахматову: Саянов, Крат, Орлов, Никитин, Рахманов, Браун, Щипачев (лауреат двух сталинских премий)), «предаются изгнанию из литературы» (просто приговор суда!). Известный художник и писатель Ю. П. Анненков в своих знаменитых мемуарах («Дневник моих встреч») из своего свободного далекого зарубежья назовет все это «ждановским «марксо-ленинско-сталинским» материалистическим бредом» [1, 92].

Необходимо отметить, что сам Зощенко называл себя «истинно пролетарским писателем»,

который пишет «простым языком» для «советских людей». Об этом же в своих воспоминаниях говорит и Ю.П. Анненков: «Именно потому, что Зощенко является подлинным *пролетарским* (курсив Анненкова) писателем, а не *чиновником* антипролетарской коммунистической партии, народившей новое богатое мещанство – именно поэтому Зощенко становится все труднее и труднее работать» [1, 248].

Жданов обвиняет Зощенко и Ахматову в индивидуализме, прибегая (может быть, неосознанно) к памфлетной форме. Одни только выражения о том, что Зощенко «публично обнажается», а у Ахматовой – «маленькая узкая личная жизнь, ничтожные переживания и религиозно-мистическая эротика», что она «не то монахиня, не то блудница» [4, 191], имеют своей целью, выдаваясь за некие афоризмы, непосредственно воздействовать на общественное мнение, тем более, что речь эта была не только произнесена, но и напечатана. Борьба с Зощенко, как это ни парадоксально, является отражением тех методов, какими сатирик сражался с уродливыми проявлениями советской действительности. Вот комментарий самого Зощенко: «Обо мне критики обычно говорили как о юмористе, о писателе, который смешит и который, ради самого смеха, согласен сделать черт знает что из русского языка. Это, конечно, не так. Если я искажаю иногда язык, то условно, поскольку мне хочется передать нужный мне тип, который почти что не фигурировал раньше в русской литературе» [1, 246].

Говоря о языке современной литературы, Зощенко делает одно интересное наблюдение (которое потом мы сможем увидеть и у Эйхенбаума, пытающегося объяснить абсурдность происходящего с позиции человека с классическим образованием и широкой эрудицией): «В больших вещах я опять-таки пародирую неуклюжий, громоздкий (Карамзинский) стиль... и сентиментальную тему, которая сейчас характерна. Я пародирую теперешнего интеллигентского писателя, которого, может быть, и нет сейчас, но который должен бы существовать, если бы он точно выполнял социальный заказ не издательства, а той среды, той общественности, которая выдвинута на первый план» [1, 247].

Эйхенбаум же упоминает более ранний, нежели сентименталистский, – классицистический художественный метод, говоря о современных ему литературных деятелях: «Вчера написал для «Вечернего Ленинграда» рецензию о повести Л. Борисова «Волшебник из Гель-Гью» (об А.С. Грине). Думаю, что не напечатают. Скрытая тема статьи – куда идет искусство и литература? Не к «классицизму» ли? Общие установленные нормы,

при которых личность художника безразлична, темы величия государства, сентиментальные моменты — не к этому ли идет дело?..»¹ (запись в дневнике от 1 апреля 1946 г.) [6, 11]. Дело шло именно к этому, о чем свидетельствуют приводимые нами ниже документ и размышления американских ученых.

19 сентября 1946 г. И.В. Сталин напишет Жданову: «Т. Жданов! Читал Ваш доклад. Я думаю, что доклад получился превосходный. Нужно поскорее сдать его в печать, а потом выпустить в виде брошюры. Мои поправки смотри в тексте. Привет!» [8, 606].

Необходимо отметить, что этот политический процесс не был направлен только против Зощенко и Ахматовой. Исследователи данного исторического периода считают, что здесь сказалось противостояние между Ленинградом и Москвой — двумя городами, претендующими на звание столицы Советского государства, неким соперничеством двух легендарных топосов [4, 191]. Естественно, что при столь грандиозных по своим масштабам обстоятельствах «мелкие жертвы» в виде писателей не принимались в расчет.

Б.М. Эйхенбаум (которому пришлось быть непосредственным участником столь мучительного для многих ленинградцев процесса и который прекрасно понимал его последствия) очень страдал, оказавшись между «молотом и наковальней». С одной стороны, он, как и один из его «научных интересов» — Л.Н. Толстой — был исторически отзывчив и твердо держался своей точки зрения² (недаром В.Б. Шкловский называл его «железный кузнечик» [2, 356], с другой стороны, поддержать позицию, противоположную официальной, означало бы подписать себе смертный приговор. Вот как он описывал процесс общегородского собрания писателей в актовом зале Смольного: «После доклада Жданова были выступления разных людей, о которых умолчу: зрелище жалкое. Надо полагать, что теперь будет собрание (и не одно) в Союзе, где опять все это будет обсуждаться и будет произведена церемония исключения Зощенко и Ахматовой из Союза. Возможно, что там придется не только голосовать, но и выступить. Задача!..». Эйхенбаум долго размышляет, как ему выступить. Он даже собирался предложить всему Ленинградскому отделению выйти из Союза писателей, но, в конце концов, ученый останавливается на следующем: «Надо прямо сказать, что я не считаю государственным преступлением, если не соглашусь с оценкой отдельных писателей или произведений, и что я считаю Зощенко и Ахматову крупнейшими русскими писателями» [6, 13].

Советское правительство, безусловно, было информировано о том, что европейское сообще-

ство признало Ахматову крупнейшим писателем современности. В ахматовском досье отмечается, что она пользовалась огромной популярностью и авторитетом как единственный представитель настоящей поэзии в Советском Союзе. Было также известно, что в Европе интересуются не только творчеством, но и личностью Ахматовой. Также в «справках» МГБ на Ахматову отмечается, что многие видные литературоведы называли ее преемницей Пушкина, а англичане просили ее передать свой автограф для поклонников за рубежом. Этого для Советского правительства было более, чем достаточно, чтобы занести поэта в «черный список».

Ю.П. Анненков приводит в своей книге высказывание писателя-эмигранта Г. Иванова: «Ахматова принадлежит к числу тех немногих поэтов, каждая строчка которых есть драгоценность. «Подорожник» — это прекрасная и живая книга, которая не только прочтется, но будет неоднократно перечитываться» [1, 84]. Ю.П. Анненков недоумевает, когда знакомится с постановлением ЦК ВКП(б): «Эротические мотивы! Я никогда не чувствовал их в поэзии Ахматовой. Любовь — да. О любви она писала много. Но о любви писал и Пушкин. И разве только один Пушкин? И все — по-разному» [1, 92].

Об «особом» отношении власти к творчеству Ахматовой Эйхенбаум знал давно. Незадолго до начала всей кампании августа 1946 г. (в мае) он отметил в своем дневнике следующее: «Сегодня звонили из «Ленинградской правды» — просили рецензию на сборник Ахматовой. Я отказался — не только потому, что времени нет, но и потому, что в газете все коверкают. Мы, говорят, заранее договоримся «там» и информируем вас о желательных мнениях; нет, говорю, это мне не облегчит задачи, потому что я умею писать только то, что думаю» [6, 11]. Подобная твердость характера Эйхенбаума проявилась и в дальнейшем, когда события августа 1946 г. стали развиваться по остродраматическому сценарию, захватывая и ломая судьбы людей.

25 сентября в Пушкинском Доме заместитель директора Института Л.А. Плоткин, обсуждая доклад Жданова, прямо указывает на Эйхенбаума как на одного из тех, кто выступал с лекциями и докладами, пропагандируя творчество Ахматовой. Не забыл Л.А. Плоткин и о том, что ученый является автором книги о творчестве поэта. Эйхенбауму приходится отвечать на эти обвинения.

Американские исследователи биографии литературоведа Д. Кертис и К. Эни, изучая документы, пишут об одной характерной особенности ответов Эйхенбаума («Отметим, как часто он использует в своем заявлении местоимения «я», «меня», «мой»): «Л.А. Плоткин... указал, что

недавно я выступал несколько раз с лекциями об Ахматовой. Совершенно ясно, что это была с моей стороны политическая ошибка, потому что в тот момент я еще не представлял себе поэзии Ахматовой как явления политического. В этом отношении я был наивен... Я совершил политическую ошибку». К. Эни, а за нею и Д. Кертис пишут о том, что, говоря о политических ошибках, Эйхенбаум ни разу не упомянул о недочетах и заблуждениях научного, литературоведческого характера, таким образом, признавая свое поражение только на том фронте, где победить было нельзя и где несогласие было смерти подобно. Эйхенбауму приведенное заявление далось очень трудно, что подтверждается следующей записью в дневнике: «Для меня это большая и мучительная работа над самим собой и в чисто литературном отношении еще не все абсолютно ясно» [6, 14].

А.С. Крюков справедливо замечает, что Эйхенбаум — «единственный из выступавших», кто указал на «историческую, политическую и литературную значимость постановления ЦК для отечественной культуры», что подтверждается цитатой из дневника от 20 августа: «Вчера было заседание Правления Союза. Было обсуждение по типу того, какое было 16-го. Мне тоже пришлось: я сказал о политической стороне постановления, а о литературной стороне вопроса сказал: «Было бы никому не нужной ложью, если бы я сказал, что мне легко принять то, что сказано о Ахматовой и Зошенко» и т.д. Это звучало некоторым отличием от подлых речей Брауна, Никитина и прочих» [6, 15].

В августе состоялось голосование в Союзе писателей, откуда Зошенко и Ахматова были исключены. Эйхенбаум голосовал за исключение...

В конце августа было отменено решение Ученого совета филологического факультета Ленинградского университета о выдвижении Б.М. Эйхенбаума в члены-корреспонденты Академии Наук.

Делал ли кто-либо робкие попытки как-то защитить, поддержать этого выдающегося ученого и замечательного человека в столь сложное для него время? Сам Эйхенбаум в своем дневнике пишет о том, что к нему подошел известный историк Е.В. Тарле и в сдержанно сочувственном тоне побеседовал с ним.

Е.В. Тарле — автор известного труда о Наполеоне, и это обстоятельство порождает определенные ассоциации. В статье «Творческие стимулы Л. Толстого» (1935) Эйхенбаум исследует неоднозначно сложное отношение великого писателя к великому полководцу: «Он глубоко понимал его, одновременно и завидуя ему, и презирая» [12, 85]. В этой же статье ученый анализирует и ленинские высказывания о Толстом (как известно,

вождь мирового пролетариата «сформулировал основное значение творчества» яснополянского затворника). Выстраивается сложная цепочка отношений: Толстой — Наполеон, Толстой — Эйхенбаум, Эйхенбаум — Ленин. Очевидно, что литературоведа живо интересовало взаимодействие политики и искусства, принявшее столь жестокие формы после 1917 г. В 1946 г. эти формы продемонстрировали новые черты публичного садизма и гротескного абсурда, а выдающийся литературовед, попавший в водоворот политики, хотя и не совершил самоубийственный гражданский подвиг, но все же остался на позиции «интимного» и одновременно «исторического» (по словам Л.Я. Гинзбург) отношения к искусству и жизни.

В заключение отметим необычайную человечность, эстетическую тонкость Эйхенбаума, который в столь драматический момент своей жизни писал в дневнике о том, как мила и прекрасна Ахматова, как проста и естественна Уланова, как тяжело в очередной раз получать сообщение о без вести пропавшем сыне... Эта живая и чистая человеческая речь классического ученого особенно контрастна уродливым канцеляризмом, бездушным штампам советской прессы образца 1946 г.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Исследователь Е.В. Дмитриев в статье, посвященной проблеме адресации в эпоху классицизма отмечает, что одическое «восхваление объективируется и произносится не от себя лично, а от некоего собирательного адресанта (отсюда: замена «я» на «мы»), репрезентирующего хоровое единство благодарных подданных». См. об этом подробнее: Дмитриев Е.В. Поэтические жанры в классицизме и фактор адресации / Е.В. Дмитриев // Проблемы поэтики русской литературы. — М., 2003. — С. 9.

2. Эйхенбаум был очень интересным и активным лектором. Вот что было написано в его производственной характеристике (при выдвижении в члены-корреспонденты Академии Наук в апреле-мае 1946г.): «Лекционная деятельность Б.М. Эйхенбаума развернулась особенно в годы Великой Отечественной войны, когда он, не прекращая научной работы, выступал в госпиталях и воинских частях, на заводах и в библиотеках и т.п. Так было в Ленинграде, в самые страшные месяцы ленинградской блокады 1941-1942 гг., так было в эвакуации в Саратове... и, наконец, снова в Ленинграде во время войны и после нее... За научные и общественные заслуги Б.М. Эйхенбаум награжден орденом Трудового Красного Знамени и Знак Почета, медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» [6, 12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков Ю.П. Дневник моих встреч / Ю.П. Анненков. – М., 2006. – 512 с.
2. Гинзбург Л. Человек за письменным столом / Л. Гинзбург. – Л., 1989. – 608 с.
3. Зощенко М. Рассказы / М. Зощенко. – Свердловск, 1988. – 304 с.
4. Кертис Д. Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература / Д. Кертис. – СПб., 2004. – 352 с.
5. Комсомольская правда. – № 194. – 17 авг. – 1946 г.
6. Крюков А.С. Пока я объявлен живым / А.С. Крюков // Эйхенбаумовские чтения – 6. – Воронеж, 2007. – С. 8-16.
7. Литературная газета. – № 35. – 24 авг. – 1946 г.
8. Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) О журналах «Звезда» и «Ленинград» 14 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917-1953 гг. / под ред. А.Н. Яковлева. Сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. – М., 1999. – С. 587-591.
9. Сарнов Б. Случай с Зощенко / Б. Сарнов, Е. Чуковская // Юность. – 1988. – № 8. – С. 69-86.
10. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М.: Изд-во Сов. энциклопедия, 1986. – 1600 с.
11. Учительская газета. – № 40(3169). – 24 авг. – 1946 г.
12. Эйхенбаум Б.М. О прозе / Б.М. Эйхенбаум. – Л., 1969. – 599 с.

*Сафонов С.А.
Воронежский государственный педагогический университет.
Ассистент кафедры истории русской литературы,
теории и методики преподавания литературы.
e-mail: ssa@hotmail.ru*

*Safonov S.A.
Voronezh State Pedagogical University.
Assistant.*